

Акция «Дети войны»

«Не знали, вернётся ли»

Прочитала в «ММ» предложение вспомнить о суровой военной и послевоенной поре — и потеряла покой от нахлынувших воспоминаний...

Орден Ленина потомку батрака Пантелею Федоровскому не дали из-за фамилии, доставшейся от польского пана

Нас у родителей было трое, я — средняя дочь. К началу войны самой старшей из нас исполнилось четыре года, мне — два.

Отец Пантелей Павлович Федоровский, 1904 года рождения, был участковым

милиционером. В сорок первом или сорок втором — не могу припомнить точно — объявили о мобилизации милиционеров на фронт. Папу должны были забрать, но мама была между жизнью и смертью после операции, и его оставили. А его товарищи, которых тогда отпра-

вили под Ленинград, погибли. Вечная им память.

Страшно вспоминать это время. Мама, еле живая, лежала на кровати в проёме двери между комнатами, чтобы видеть нас всех — хоть какой-то присмотр за детьми. Помню огромный ведёрный чугунок, в котором варили суп из картошки и капусты. Картофельную кожуру не выбрасывали: пекли на плите. Когда папа приносил свой паёк хлеба — это был праздник. Помню, как по ночам мы дежурили у магазинов, берегли очередь на хлеб по карточкам. Странно, но все помойки были завалены камбалой, ею почему-то брезговали, а дети ходили с опухшими животами, нас поили рыбьим жиром. Зато когда после войны расконвоировали пленных, они рылись на свалках в поисках этой рыбы. От голода спасал и клочок земли, который мы засаживали табаком. Затем его сушили, рубили, ходили с мамой менять на хлеб на кирпичном заводе, где жили и работали немецкие военнопленные. Но соседство с табаком, да и просто тяжёлые условия жизни сказались на здоровье всей семьи: обе сестры умерли от рака, одна не дожив до сорока, другая до со-

Папа дослужился до звания старшего лейтенанта, награждён боевыми орденами и медалями

рока пяти, родители не дожили до семидесяти.

Нас, беспомощную малышку, спасало от уныния малолетство: садиков не было, в каждой семье по трое-четыре детей, целые дни гурьбой проводили в барачных коридорах.

На правый берег в гости к родным добирались зимой по льду в районе нынешнего Центрального перехода, а летом на пароме в районе Северного перехода, где была знаменитая мельница. Печи топить было нечем, и мы ходили мешками к железнодорожной насыпи собирать рассыпанный уголь, который везли на домны. Железная дорога была важной частью жизни: через насыпи мы пробирались в школу № 1 на 7-м участке. Дети и взрослые часто погибали под колёсами. Позднее школу перевели на 14-й участок на «калибровке», зимой ходили туда через замёрзший Башик.

Папу почти не видели. Днём он работал в отделе милиции на 14-м участке, ночью уходил на дежурство. Борьба с преступностью шла нешуточная. Пока люди были на работе, воры проникали в комнаты через окна. После войны преступность только усилилась. Солдаты вернулись с фронта, а одеваться не во что, есть — нечего, жить — нечем.

Нам дали казённую квартиру в бывшей пивной на Средне-Уральске возле железнодорожной насыпи. В округе были разбросаны списанные промышленные котлы, в которых прятались воры и бандиты. Они охотились за милицио-

Супруги Федоровские мечтали дать образование дочерям

нерами, нападали ночью на их дома: искали оружие. Однажды пытались проникнуть к нам, но мама изнутри припугнула ружьём. Вокруг клуба на 14-м участке так и вились уголовники, там несколько раз убивали милиционеров прямо на посту. Когда папа уходил на ночное дежурство, мы не знали, вернётся ли. Потом Средне-Уральск стали сносить, и нам дали жильё на Брусовом, в ИТР-городке, возле школы № 42, а папу перевели в отделение милиции на Берёзках.

Мама часто болела, сестричкам пришлось работать с четырнадцати лет. Родители не могли выучить всех, решили — хотя бы меня одну. Я поступила в Магнитогорский горно-металлургический институт в 1956 году — здание ещё было на ДЮКе. Практику проходили на чистке траншей под фундамент нового института на проспекте Ленина. Чтобы справиться мне платье на учёбу, съездили с мамой в Анненск, собрали дикую вишню на продажу. А пальто и прочее перешивалось из маминского и сестриного.

Папа дослужился до звания

старшего лейтенанта, награждён орденами Красной Звезды, Красного Знамени, медалями. Его собирались представить к ордену Ленина, но документы подвели. Папин дед или отец, родом из-под Херсона, получил фамилию Федоровский от польского пана, у которого батрачил. В ту пору начали вводить паспорта, а у половины деревни нет фамилий. Пан разрешил им за отработку взять его фамилию, но формально общность фамилии означала родство. Так мой папа из внука батрака стал внуком пана Федоровского. Орден Ленина ему, «паньчуху», не дали.

Папа работал с 1930 по 1960 годы. На пенсию ушёл по выработке стажа из горотдела МВД на улице Кирова. Ему предлагали квартиру и работу на правом берегу. Отказался. Так и умер в квартире с соседями на левобережной улице Ударников, ни разу по-человечески не помывшись в ванной. Всю жизнь берёг наши с вами покой и жизни. Он переживал, что бог не дал сына, но очень гордился мной.

Мария Краевская

Школа войны

Уроки добра

Чувство единства помогло выжить в то страшное время

Виктор Гаврилов после Сталинградской битвы, 1943 г.

Была война. Сейчас, в юбилейный год Победы, о ней вспоминают всё чаще и чаще. Вспоминаю и я. Но сегодня не буду говорить ни о героизме, ни о жестокости, а только об уроках доброты, которые преподали мне те военные годы.

Мы с мамой Александрой Петровной Гавриловой жили на окраине курортного Кисловодска. Папа Виктор Дмитриевич Гаврилов, кадро-

вый военный, ушёл на фронт. Бои шли где-то далеко, и никто не верил, что фашисты дойдут до Кавказа.

Летом 1942 года стали приходить первые составы с эвакуированными из Ленинграда. Мы знали, что там блокада, голод, пытаются эвакуировать людей. Там жила мамина сестра... И вот ленинградцы выбирают из вагонов — измученные, еле держатся на ногах. Обессиленные, садятся здесь же: кто на чемоданы, кто прямо на землю. А из дома в дом, из уст в уста уже побежала весть — «ленинградцев привезли». И вот уже потекли людские ручейки к вокзалу. К вечеру всех прибывших разбирают по домам. Без платы, без корысти. Люди делятся с ними тем малым, что имеют сами, становятся близкими незнакомым людям, ведь эвакуированным ещё трудней, чем нам. Мама всё надеялась, что найдёт сестру. Но поток ленинградцев иссяк. Блокада замкнулась.

К нам едут москвичи. Мама привела молодую женщину Валентину Михайловну Шабанову с восьмилетним сыном Аликком. Они поселились у нас. Семья увеличилась вдвое. Всё было общее. За стол всегда садились четвером. А через несколько дней маму срочно вызвали в школу. Сказали, что фашисты прорвали фронт под Ростовом, перерезали железную дорогу, бои идут под Пятигорском. Наши войска

пытаются удержать последнюю автодорогу, по которой можно вывезти раненых из госпиталей. Мы оказались в оккупации.

До сих пор помню ужас, охвативший нас, когда по улице на мотоциклах промчались первые немецкие солдаты. За ними прошли квартирьеры, и на воротах появились фамилии. Мы, ребяташки, со страхом смотрели на эти надписи непонятными буквами — фамилии тех, кто придёт в наши дома на постой.

Дождливый день. По улице идёт вереница вражеских солдат. Возле каждого дома кто-то выходит из строя и заходит вовнутрь. Мы, все четверо, стоим на веранде у окна и ждём: кто же войдёт к нам?

Вот открывается и наша калитка. Тяжёлые шаги солдатских сапог, и на пороге немец. Высокого роста, в плащпалатке, с которой стекает вода, на груди автомат. Мама судорожно прижимает меня к себе, Валентина Михайловна — Алика. Немец молча стоит на пороге, с любопытством разглядывает нас. Потом, обращаясь к маме — она старшая, рано поседела, спрашивает: «Матка, где бить гвоздь, автомат вешать?» Мама молча снимает с вешалки наши вещи и уносит их в комнату. Немец — его звали Карл — развешивает вещи, садится на кушетку на веранде и говорит: «Карл спать здесь». Мы уходим в комнату. Страх прошёл. Нам очень повезло — нас миновали беды, побои и унижения, которые свалились на многих наших соседей.

Один только раз вошёл Карл в нашу комнату, где на стене висел портрет отца в форме командира Красной Армии. Он долго внимательно его

разглядывал, потом, повернувшись к маме, сказал: «Я, ваш манн, друг друга паф-паф, не карашо». Больше он к нам не заходил и своим друзьям не разрешал. Валентина Михайловна уговаривала маму снять портрет «от греха подальше», но мама отказалась наотрез. Ей казалось, если снимет, то папа не вернётся.

Мама немного знала немецкий, и они с Карлом отлично понимали друг друга. Было «страшно» по столу всего 18 лет, он был рабочим, носил с собой фото милой невесты и очень тосковал по дому. Каждый день в обед приносил нам с Аликком котелок супа, а сам ел с мамой и Валентиной Михайловной картошку.

У соседей в доме жила семья эвакуированных из Ленинграда: мать и двое детей. Они были евреи, поэтому их прятали от немцев в сарае. Ночами кто-нибудь пробирался в сарай и приносил им еду. С соседних дворов собирали тёплые вещи. Боялись, кто-нибудь выдаст, но обошлось. Теперь понимаю, как все рисковали: узнай немцы, что все мы опекаем еврейскую семью, не писала бы я сейчас эти строки.

В городе проходили плановые расстрелы коммунистов, евреев, семей офицеров Красной Армии — по спискам с датами намеченной смерти и фамилиями. Очередность педантичные немцы соблюдали строго. По улицам ездили «душегубки» с зарешеченным окном. Горожан расстреливали на горе, тела сваливали в

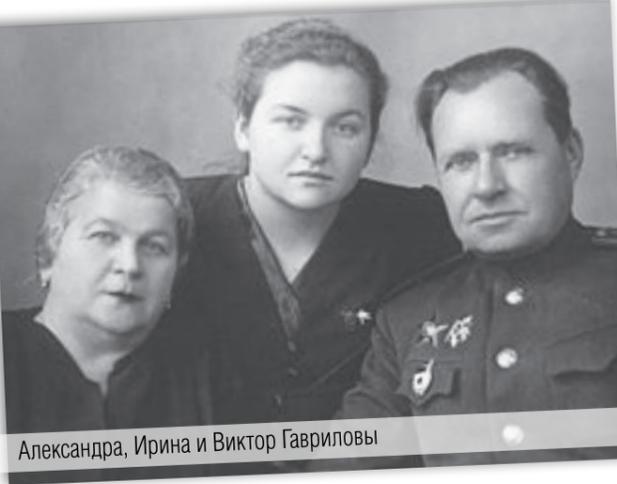
овраг и закидывали гранатами, чтобы добить раненых.

В заброшенных кошарах для овец немцы устроили лагерь для военнопленных. Когда пленных проводили по улице, женщины и ребяташки выбегали из калиток, кто с куском хлеба, кто с варёной картошкой, и совали их истощённым людям, несмотря на ругань и побои конвойных.

Вечерами женщины собирались в каком-нибудь доме, где в это время не было немцев, и гадали на картах. Ведь у всех кто-то был на фронте. И вы-

ходило, что все живы, все вернутся, нас освободят.

Город освободили 10 января 1943 года. Но вернулись не все. Редкий дом миновали похоронки. Отец пришёл 18 марта 1943 года, когда его выписали из госпиталя. Он был комисован по состоянию здоровья и стал работать в военкомате.

Александра, Ирина и Виктор Гавриловы

Ирина Лисенкова, ветеран Магнитки